

роман грачев
ЗНАЕШЬ, ДОЧА...

Роман Грачев
Знаешь, доча...

«Издательские решения»

Грачев Р.

Знаешь, доча... / Р. Грачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905590-3

Давай поболтаем, дочь. О мальчишках и девчонках, о дружбе и любви, о «странных» родителях и «несправедливых» учителях. Об увлечениях, пристрастиях, мечтах и планах на жизнь. О том, кто круче — Джонни Депп или Леонардо Дикаприо. О том, как лучше обратить на себя внимание нужного человека... Обо всем поговорим, обещаю. И надеюсь, что ты не будешь против, если это прочтет кто-то еще. Вдруг им пригодится... Самый откровенный папа в мире — к вашим услугам.

ISBN 978-5-44-905590-3

© Грачев Р.

© Издательские решения

Содержание

Сторонним читателям	6
Привет, дочерик!	7
Послеродовой ступор	8
Измерить длину «Икаруса»	10
Дырка в заборе	11
Умереть не встать	12
«А вдруг немцы?»	13
«...Бегала собачка»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Знаешь, доча...

Роман Грачев

«Впервые я ощутил в себе музыкальный дар в ту ночь, когда после первого сексуального опыта возвращался в общежитие города Череповца...»

(К/ф «Ландыш серебристый-2»)

«Всякий уважающий себя мужчина мечтает о сыне. По крайней мере, делает вид. Хотя на самом деле ему очень хочется иметь дочку.

Дочь – это единственная Леди, рядом с которой ВСЕГДА можно чувствовать себя Настоящим Мужчиной и Безусловным Авторитетом вне зависимости от физического здоровья, объема бумажника, марки автомобиля и наличия порочащих связей. Кроме того, воспитывая свою Маленькую Леди, ты стараешься исправить все ошибки, допущенные когда-либо в отношениях с женщинами. А ошибок мы совершаем немало.

Быть папой девочки – самое лучшее, что может произойти с мужчиной».

(«Томка, дочь детектива»)

«– Какой-то я уж очень идеальный получился.

– Ничего, жизнь это исправит».

(К/ф «Москва слезам не верит»)

Редактор Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5590-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сторонним читателям

Извините, что обращаюсь к вам именно так – «сторонние». Дело в том, что эта книга от начала и до конца по форме и содержанию представляет собой монолог, адресованный моей дочери. Здесь довольно много личного. Это, однако, совсем не означает, что я вам не рад. Наоборот! Если вы держите эту книгу в руках, стало быть, она и ваша тоже, в противном случае я просто запер бы свою дочь в комнате и поговорил с ней с глазу на глаз.

Но хочу предупредить. В процессе публикации я столкнулся с дилеммой: какую возрастную маркировку поставить. С одной стороны, я беседую со своим собственным двенадцатилетним ребенком, и мы с дочерью обычно не церемонимся в выборе выражений и не стесняемся многих тем. С другой стороны, если наш разговор попадет в руки других несовершеннолетних детей (например, ваших), то в любой момент может нарисоваться какой-нибудь блюститель нравственности, уверенный, что сие «непотребство» разлагающе подействует на будущих носителей наших традиционных ценностей.

Давайте поступим так. Я на всякий случай поставлю на обложку ограничитель «18+», а вы уж сами решайте. Если сочтете, что обсуждаемые здесь темы должны находиться лишь в ведении взрослых, то с юридической точки зрения мы чисты. Но если вы решите, что вашим детям-подросткам, особенно девочкам, будет интересно и полезно это прочесть, то я срочно сваливаю к канадской границе.

Эта книга – своеобразный сборник моих заметок, миниатюр, размышлений и наблюдений. Большею частью это оригинальный текст, но есть и небольшие цитаты из других моих книг, подходящие по смыслу и настроению. Если у вас появится желание ознакомиться с ними поближе, я не посмею возражать, буду только рад. В конце вы найдете почти полную подборку моих работ. Что касается настоящего издания, то я надеюсь, что вы не заплатили за него ни копейки. Сделать книгу бесплатной и общедоступной – мое принципиальное решение, так что будьте уверены, что вы ничего не нарушили, скачав ее на сторонних сайтах.

Спасибо, что вы со мной. Точнее, с нами.

Привет, дочерик!

Вот и понесла меня нелегкая в воспоминания. Не волнуйся, много времени у тебя не отниму, хотя и знаю, что тебе всегда было интересно слушать рассказы о том, каким балбесом я был в твоём возрасте (все эти мои самодонсы и явки с повинной оправдывают тебя в своих собственных глазах, не так ли?). Я вовсе не жду, что ты прочтешь эту книгу от начала и до конца за один присест. Ты можешь растянуть «удовольствие» на любой удобный тебе срок, ведь надо же еще находить время для учебы, зависания в соцсетях и «Контры». Впрочем, я ни на чем не настаиваю, делай как тебе удобнее. Я просто кое-что поясню в самом начале, а дальше сама решишь.

Назначенную эпиграфом фразу я взял из своего любимого сериала. В одном из эпизодов «Ландыша» горе-продюсеры Лева и Стас в исполнении Александра Цекало и Юрия Стоянова ищут новую песню для своей бывшей жены (да, вот такая загогулина – оба были в разное время женаты на одной женщине, «звезде» эстрады Ирме, которую играла Алена Хмельницкая). Как назло, все мало-мальски толковые композиторы пошли вразнос: один попал под каблук любовницы, другой запил, а третий лежал на диване и жаловался:

– Веришь, Стасик, пить неохота, баб неохота, денег не надо... Депрессия...

– Депрессия? – возмущался Стас. – Лучший способ избавиться от депрессии – заняться творчеством! Ты что, вообще ничего не пишешь?

– Почему же, пишу. Хочешь послушать? Только вряд ли тебя это устроит.

– Ты дай послушать, а меня устроит!

Депрессивный композитор уселся у рояля, взял с пюпитра нотный лист, перевернул его обратной стороной и начал читать:

– «Впервые я ощутил в себе музыкальный дар в ту ночь, когда...».

В общем, ты понимаешь, доча – он начал писать мемуары, то есть воспоминания. Хотя был не так уж и стар.

Мне сейчас сорок пять. По классификации Всемирной организации здравоохранения, я застрял где-то на границе между «молодым человеком» и «мужчиной среднего возраста». С одной стороны, еще не время вращаться задом в кресло у камина и с глубокомысленным видом рассуждать о бренности бытия, но с другой, наверно, имеет смысл ненадолго остановиться, подумать и спокойно поболтать с тобой о нашем, «папино-дочкином»? У тебя ведь тоже непростой возраст. Почему бы нам не совместить приятное с полезным?

В этой книге я хочу рассказать тебе о том, что знаю (слова, отмеченные звездочкой, получают свое разъяснение в конце). О вещах, к постижению которых мне пришлось идти всю жизнь. Что-то я подслушал у других умных людей, к чему-то пришел сам, но в этом тексте нет ни одной главы, которую я бы не прочувствовал и не пропустил через себя. Возможно, мне самому этот рассказ-разговор необходим больше, чем тебе, но, клянусь, если бы в свое время, лет тридцать назад, со мной вот так поговорили, то многих шишек на голове и ссадин на коленях удалось бы избежать.

Должен признать, что знаю и умею я к своим сорока пяти меньше, чем мне бы хотелось, и я ни в коем случае не претендую на знание абсолютной истины. Просто мне кажется, что даже то небольшое, что я знаю, тебе может пригодиться. И еще я думаю, что ты не будешь возражать, если мои «мемуары» прочтет кто-то еще и им покажется это интересным. Ты у меня девочка не жадная.

Итак, с чего начнем?

А давай с того самого дня...

Послеродовой ступор

Знаешь, с удивлением (и тайной завистью) наблюдаю сцены в кино, где мужчин трясет как на центрифуге, когда у их жен начинаются родовые схватки. Каюсь, ничего подобного у меня не было. То ли мое врожденное хладнокровие, граничащее с пофигизмом, тому виной, то ли твоя пышущая здоровьем мама излучала нечеловеческое спокойствие, но в тот самый день, после девяти месяцев ожидания, погрузил я вас обеих в нашу белую «шестерку», отвез в родильное отделение районной поликлиники, а сам вернулся домой и с чистой совестью уселся на диван перед телевизором. Я смотрел «Статского советника» с Олегом Меньшиковым. Да-да, знаю, «фу таким быть», но это правда. Я был совершенно спокоен за вас.

Клянусь, я не испытал эстетического шока даже через час после твоего рождения, когда мне разрешили подержать тебя в руках. «Ну, поздравляю, ты теперь папа», – подумал я и вернул сверток с человеческим детенышем обратно врачу. Я даже пил вечером на автомате, потому что так было принято.

Признаюсь, мои чувства (точнее, их отсутствие) меня озадачили. Я же прекрасно помню свой неописуемый восторг, когда за несколько месяцев до твоего рождения на УЗИ впервые определили, что у меня будет девочка! Я же плясал как полоумный! Едва-едва дотерпел, пока мы не вышли из женской консультации на свежий воздух. И вот – ты уже есть и готова к выписке!

Солнечный летний день, крыльцо роддома, радостные родственники. Кто-то уже выстрелил шампанским (пробка угодила в окно палаты на втором этаже), объективы фото- и видеокамер держат меня на прицеле, а я стою как идиот, держу этот гигантский тугой сверток, из которого торчит твой розовый пятачок, и не знаю, радоваться мне или плакать. В ту минуту – еще не знаю.

А дома, когда содержимое свертка уже лежит на кровати, дрыгает ножками и очумевшими глазами глядит на скопление народа, мне хочется, чтобы никто не расходился, чтобы гости еще посидели до вечера, вдарили со мной по рюмашке. Но нет, они расходятся, желают счастья в личной жизни, здоровья всем, распахивают по углам подарки и все до единого сваливают. И мы остаемся вдвоем, растерянные и потрясенные, в тишине, нарушаемой лишь твоими всхлипываниями.

Просторная двухкомнатная квартира вдруг уменьшается в размерах. Это уже не моя крепость. Вот тут, в углу на кухне, я сидел по вечерам с книгой, потягивая чай; на диване в гостиной я лежал, почесывая пузо и глядя в телевизор; на балконе – курил. Теперь я взираю на места своего беспечного гнездования почти с ненавистью. Отныне распорядок дней и вечеров укладывается в короткие промежутки между кормлениями, бесконечными постирушками и глажками. А еще эти подъемы посреди ночи! Я теперь с радостью удираю в магазин за хлебом, чтобы иметь хотя бы пятнадцать-двадцать минут личной жизни, и не могу дожидаться окончания отпуска, чтобы выйти на работу и с чистой совестью проводить вне дома дни напролет.

Нет, я не могу сказать, что не рад. Я очень рад. Я же люблю тебя. Но я еще ничего не понимаю. Что характерно – отказываюсь понимать. Верните мне мое предсказуемое прошлое!

А потом случаются вечера, когда у тебя прихватывает животик. Мне приходится успокаивать тебя на руках. Хожу по квартире, пока ты не заснешь. Когда ты, наконец, успокаиваешься, уткнувшись носиком в мою грудь, со мной что-то происходит. В эти минуты я чувствую, что у меня два сердца.

Потом начинаются регулярные прогулки с коляской. Я беру с собой книжку потолще («Казус Кукоцкого» Улицкой и «Убить пересмешника» Харпер Ли) и наматываю километры по двору. Ты дрыхнешь, я читаю. Мне нравятся эти прогулки. Ко мне возвращаются покой и уверенность.

Через две-три недели я, наконец, врубаюсь, что со мной случилось. Я втягиваюсь. Дальше будут твои первые улыбки, первые шаги по дивану и закольцованный диск с песнями Евгения Крылатова из детских фильмов, под которые тебе очень нравится дрыгать ногами. Потом ты будешь охотно дарить мне немножко свободы и личного пространства, но я уже в них не нуждаюсь. Даже заявляясь домой на бровях с какого-нибудь корпоратива, я еще целый час ползаю с тобой по полу, забывая обо всем. Это было самое лучшее время моей жизни.

Надеюсь, ты простишь мне мою первую слабость.

Ладно, пойдем дальше. Я не хочу подробно описывать твоё младенчество, потому что это, во-первых, не описать, а во-вторых, если мы будем так основательно останавливаться на каждом эпизоде, книга, боюсь, разрастется до объема «Властелина колец». У тебя просто не хватит терпения дочитать ее до конца.

Давай отмотаем назад от твоего дня рождения лет эдак... двадцать восемь... и посмотрим на этого ушастого белобрысого мальчика, который в будущем станет твоим отцом.

Измерить длину «Икаруса»

Детский садик я не любил.

Ты хмыкнешь: «Надо же, какой оригинал!», – и отчасти твой сарказм* будет оправдан. Мало кто из детей любит «насилие над личностью», а экспорт ребенка из родного дома на целый день черт знает куда таковым и является. Конечно, все со временем привыкают, втягиваются, обзаводятся друзьями-подружками (человек вообще существо ко всему привыкающее) и, наконец, в семилетнем возрасте покидают родной детский сад со слезами на глазах.

Но это не про меня. Я ЕГО ТАК И НЕ ПОЛЮБИЛ!

Знаешь, доча, мой детский сад – это не твой детский сад. Их не только разделяет больше четверти века, они еще и в разных странах находились! Участок твоей буржуазной группы мы с мамой могли видеть из окна – по крайней мере, до тех пор, пока у нас во дворе какой-то жадный умник не построил десятиэтажку. Отвести тебя утром в садик и забрать вечером можно было за десять минут. Кроме того, твоя молодая воспитательница жила в соседнем подъезде и стала практически другом семьи. Ты просто как сыр в масле каталась (тут я себя одергиваю: не надо этого классического «да мы в твои годы!»).

Мой детский сад находился от дома на расстоянии трех остановок общественного транспорта. Добираться туда рано утром приходилось в переполненном автобусе. Знаешь, автобусы в мое советское детство – это не нынешние автобусы! Это были грузные, грязные и вонючие «Икарусы». В утренние часы-пик они представляли собой консервные банки с набитой в них копченой ставридой. Если летом поездка в садик еще как-то скрашивалась ранним рассветом и теплой погодой, то зимой она превращалась в ад.

Холодно, мрачно, я весь обмотанный, словно кочан капусты. Как назло, нас устраивал только один автобус, номер «34», причем на самом перегруженном направлении – в сторону тракторного завода. Стоим с отцом на остановке, мерзнем, пробиваемся сквозь толпу пассажиров, а потом едем придавленные со всех сторон. Представляешь, каково это переживать каждый день?

Есть одно яркое воспоминание о моих утренних поездках. Однажды автобус оказался практически пустой. Не знаю, что за аномалия случилась в то утро, но пассажиров было человек пять. Мы с папой ехали как короли – на двух сиденьях. Это и сыграло роковую роль. Дорога до следующей остановки шла под уклон. Автобус разогнался... и неожиданно резко затормозил. Я слетел с кресла и покатился кубарем. Еще раз медленно, чтобы ты поняла: я не просто грохнулся с кресла, я ПОКАТИЛСЯ КАК МЯЧИК через весь салон автобуса, в чистом пальтишке по грязному полу! Остановила меня только закрытая первая дверь возле кабины водителя (ступеньки перед ней я тоже пересчитал).

Представляешь мой шок? Я даже не помню, заплакал ли я. Отец, кажется, тоже перепугался. Шутка ли – чуть сынулю не угробили! Пальто, разумеется, в хлам, еле очистили.

Вот такой у нас был детский боулинг.

Дырка в заборе

Сейчас детские сады в новостройках возводятся по одному типовому проекту. Ну, максимум по двум. Это достаточно комфортные современные двухэтажные здания с лабиринтами коридоров, просторными помещениями, цивилизованными сануздами и аккуратными участками для прогулок. Может, не хватает какой-то оригинальности, но это вопрос уже к тем, кто заказывает музыку и платит деньги.

Мой садик был – очень оригинальным. Двухэтажный особняк сталинской эпохи, окрашенный в унылый светло-коричневый цвет и похожий на замок злого волшебника. Увидев его впервые, я тут же захотел родиться обратно. От «замка» вправо и влево уходил глухой деревянный забор, скрывавший от посторонних глаз прилегающую территорию. Это сейчас детские сады открыты всем ветрам – отсутствие глухих ограждений существенно расширяет пространство – а мы, выходя на участок, ощущали себя арестантами на прогулке, разве что смотровых вышек с охранниками не хватало.

Но это еще не все «прелести» моего детского сада. У тебя, как я уже сказал, воспитательница была молода, любознательна и энергична (впрочем, почему «была» – она и сейчас такая, дай Бог ей здоровья), и мы с твоей мамой благодарны судьбе за то, что тебе повезло с первым педагогом. Знаешь ли, от того, кто присматривает за ребенком вне дома, зависит очень многое. Попадется гримза, не любящая детей, – пиши пропало.

Своих воспитательниц я помню смутно, но могу сказать точно, что они меня пугали. Обе были уже возрастными тетушками, суровыми, редко улыбающимися. Степень их любви к детям я могу оценить лишь по тем карательным мероприятиям, которые они проводили в наказание за наши косяки. За крупные групповые залеты мы лишались сон-часа. Помню, как однажды нам всей толпой приспичило нажраться «собачек» – это такие маленькие желтые цветочки на кустах, которые росли на нашем участке. Ну, чего взять с детей, интересно же, какие они на вкус. Когда авантюра вскрылась, нам устроили сеанс коллективного блевания в туалете и хождение по кругу вместо послеобеденного сна. Кстати, так мы гуляли всякий раз, когда проказничали. Долго не можем уснуть? Спать не хотим? Окей, подъем, шантрапа, руки за спину – и вперед! А еще некоторых из нас, особо буйных, запирали в темный чулан. Один раз не повезло мне. Там было темно и холодно, и поговорить не с кем – одни швабры и метелки.

В общем, много было таких «веселых» дней. В итоге у меня со временем выработалась стойкая привычка после полдника уходить в свое секретное место. В глухом деревянном заборе в небольшом отдалении от участка обнаружилась щель с прекрасным обзором: сквозь нее я мог видеть проход между двумя соседними жилыми домами, через который вечером шла моя мама. Когда она работала на своем тракторном заводе в первую смену, то есть с утра, обязанность забирать меня из садика выпадала ей. Она возвращалась с работы, выходила на трамвайной остановке и шла за мной. Едва завидев ее, я несея к воспитательнице с сообщением: «Все, я ухожу, бе!».

Эта дырка в заборе спасала меня от депрессии. Если бы ее не было, я, клянусь, собственноручно выломал бы одну из этих чертовых зеленых досок.

Умереть не встать

О том, что люди недолговечны, я также узнал в детском саду. Наш «замок злых троллей» находился в микрорайоне старых построек, сейчас именуемых «бараками». От шумного проспекта Победы нас отделял идущий вдоль фасада переулок длиной примерно сто пятьдесят метров и достаточно широкий, чтобы по нему могли двигаться похоронные процессии. Вот они и двигались примерно раз в три месяца. И ладно бы шли бесшумно, так нет же – их сопровождал духовой оркестр! Тебе, милая, трудно представить, что это за кошмар, потому что сейчас в большом городе с оркестрами уже никого в последний путь не провожают. Но во времена моего детства было заведено: похороны без оркестра – как свадьба без баяна.

Я эту страшную музыку боялся и ненавидел всем своим тщедушным организмом. Похороны проходили после обеда, когда мы укладывались спать. И вот представь: ты опускаешь голову на подушку, заставляешь себя отключиться на пару часов, а за окном – «Там-там-тадам! Дзинь!». В те годы я еще не знал, что это написал Фредерик Шопен и называется оно «Соната для фортепиано №2 си-бемоль минор, соч. 35». Сейчас я думаю, что если бы Шопен услышал ее исполнение в барачных районах Челябинска во второй половине семидесятых, он восстал бы из гроба. Я удивлен, почему не восставали те бедолаги, которых проносили в деревянных ящиках мимо нашего здания. (Забегая вперед, скажу, что в армии я сам играл в духовом оркестре, и пару раз мне доводилось выезжать на похороны; лабали мы ничуть не лучше).

Еще раз медленно: детский сад, сон-час, а прямо под окнами покойника несут!

После пары таких церемоний я разучился засыпать, все поглядывал в окно и прислушивался: не играет ли? У меня сложилось стойкое убеждение, что жители старых районов помирают чаще остальных – в других частях города я такого ужаса не слышал. Может, аномалия?

Был и еще один связанный со смертью момент. В соседнем садике, который находился буквально в паре домов от нас, почти у перекрестка проспекта Победы и улицы Горького, умер мальчик. Нам не объяснили, почему ребенок нашего возраста может внезапно умереть, но мы все группой отправились почтить его память. В небольшом фойе на столике стояла фотография с черной ленточкой. Мы постояли, посмотрели, послушали рассказ о том, каким хорошим мальчиком он был, потом нам раздали конфеты и отвели обратно. Очень печальный вечер.

Возможно, тебя смущает, что я так подробно и даже несколько легкомысленно об этом рассказываю. У меня действительно до сих пор нет ответа на вопрос, какого черта они устраивали эти церемонии рядом с большим скоплением детей. С другой стороны, я не знаю, когда и какими изобразительными средствами стоит знакомить ребятшек с темой смерти. Наверно, это вопрос к психологам.

Ладно, перехожу к следующим кошмарам.

«А вдруг немцы?»

Еще одна вещь, которую боялись все советские дети, включая меня, это война. Кого благодарить? Сейчас бы сказали – «средства массовой информации». В те годы их функцию выполняли два телевизионных канала (да-да, прикинь – всего два канала, причем переключать их надо было плоскогубцами!), газеты и радиоточка на кухне.

Страна жила в постоянном ожидании войны. Из тех скудных сведений, поддающихся в моем нежном возрасте хоть какой-то расшифровке, я делал вывод, что мы живем в самой прекрасной стране планеты, которая единственная хочет мира, а все остальные только и норовят устроить нам огненный кошмар. В качестве основных врагов в моем компактном сознании фигурировали немцы – опять же спасибо телевизору, по которому чуть ли не каждый день показывали военные фильмы. Если для всего мира Вторая мировая к тому времени стала историей, пусть болезненной и тяжелой, но историей, то у нас она все еще жила и пульсировала в венах. Я все время боялся, что немцы не смирились с поражением и в любой момент могут начать новую заварушку.

Однажды я ночевал у своей тети, маминой сестры. Она жила в барачном районе, очень похожем на тот, что окружал мой детский садик, и в нем постоянно происходило что-то неожиданное. И вот ночью прямо напротив наших окон разгорелся гигантский костер. Черт его знает, кто там чего поджег, но я подумал: вот, началось... немцы!

Еле успокоили.

Эту нашу советскую детскую боязнь прекрасно проиллюстрировали ребята из «Квартета И» в фильме «О чем говорят мужчины». Леша Барац вспоминал свое детство: «Лежу ночью и думаю – а вдруг немцы? Ладно, на кухне бабушка спит – куда они сунутся!». Это, конечно, смешно, но тот ночной пожар я запомнил надолго.

Кстати, сейчас, спустя почти сорок лет, у нас на кабеле двести каналов. Думаешь, что-то изменилось? Нет, мы по-прежнему готовимся с кем-то воевать. Но это уже другая история.

«...Бегала собачка»

До поры до времени я ничем не отличался от сверстников. Ну, разве что своей замкнутостью и постоянным желанием свалить домой. Но однажды во мне обнаружили талант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.